

Мargarita Grempeľ

Бенемол

18+

Маргарита Гремпель

БенемоР

«Автор»

2026

Гремпель М.

БенемоР / М. Гремпель — «Автор», 2026

Перед нами не просто художественное повествование, а сложная, многослойная конструкция, балансирующая на грани психологической драмы, театральной пьесы и документального свидетельства. Автор выстраивает эту хрупкую архитектуру смыслов: от надрывного монолога - к сухому обращению от высокой трагедии - к будничному «шапку похуже взяла». Именно в этом контрасте и рождается главная сила текста. Театр боли форма как содержание. С первых же строк (диалоги Бене, Глента и Мора) становится ясно, что перед нами текст, построенный по законам драмы. Реплики героев насыщены пафосом, риторическими вопросами и образами, отсылающими к классической трагедии. Здесь много яда, бокалов, роковых признаний и обвинений в предательстве. Однако эта театральность не выглядит нарочитой - она становится формой существования внутренней боли персонажей.

© Гремпель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маргарита Гремпель БенемоР

Глава

Б е н е м о Р

(трагедия в виртуальной реальности)

«Наш адский план о существе бесполом

В мечтаньях набожности воплощен».

Гёте «Фауст»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГЛЕНТ — Глентов Николай Иванович, районный врач.

ФЛЕРА — она же Нина, жена Глентова.

БЕНЕ — Святой Дух, с ударением в имени на первую и второй слог, это женщина, которая играет вначале роль мужчины, потом становится тем, кем она есть.

МОР — слуга Сатаны.

ВРАЧ — Петр Максимович, заведующий психиатрическим отделением.

Другие санитары.

ПРОЛОГ

Кабинет заведующего отделением клиники психиатрии. Долго звонит телефон. Врач — Пётр Максимович — снимает трубку.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Петюнчик, здравствуй. Долго трубку не берёшь.

ВРАЧ. Что у тебя?

ЖЕНСКИЙ. Как всегда, пациентик. Переводим. Коллега, между прочим...

ВРАЧ. Ну...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Что «ну»? Баранки гну! Суицидик у него, неудачный, между прочим.

ВРАЧ. Переводи.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. У-у-у... Какие мы сегодня грубые...

ВРАЧ. Ну что у тебя ещё?!..

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Ты там посмотри, посерьёзней. Я не шучу. Архов звонил. Из Сердобска. Догадываешься?! Заслуженный врач РФ!

ВРАЧ. О Глентове звонил? О Николае Ивановиче?!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Догадливый. Его диагнозы, между прочим, всю область будоражат.

ВРАЧ (зло). Знаешь, Архову до него, как до Пекина... тем местом...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Он твоего Глентова с работы, между прочим, шуранул...

ВРАЧ. А твоему Архову к нам бы лечь, пока не поздно...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Да твой себя «Глентом» называет и стихами заговорил.

ВРАЧ. Ну, твой этому никогда не научится! (Бросает трубку.)

Палата для мужчин.

ГЛЕНТ

(один).

И снова я зажат в свои объятия,

чтоб проповедовать семейную нужду,

чтоб говорить сегодня вам о страсти,

но жалости от вас я не прошу.

Больничный двор, больничная постель

пусть никогда мне дом уже не снится.

Пусть за окном шумит моя капель —

пришла весна, чтоб без меня томиться.

И я к тебе взываю, грустный Мор:

войди ко мне, в палате я один,

и подпиши мне смертный приговор,

сегодня для меня ты — господин...

МОР

(входит).

Я слышал, Глент, как ты меня зовешь.

И я спешил увидеться с тобою,

чтоб непременно потревожить ложь

холодной, предсмертной рукою.

ГЛЕНТ.

Я над собою начал это делать —

зачем меня спасают все врачи?

Кругом халаты, словно кучи мела,

а для меня, так просто, — палачи,

что возвращают к жизни против воли,

надменным знанием тревожат мир иной...

Сегодня, Мор, я ими недоволен.

Попытка умереть была смешной.

Карета скорой помощи... и руки

вот здесь, на сердце, чувствовал я их.

Массаж на сердце — это были муки.

Я не хотел быть радостью для них.

Они мне жали сердце, словно руку...

Больное сердце от любви святой...

Кто дал им эту жалкую науку?

Но ты медлительным, скажу я, был со мной.

МОР.

Наверно, Глент, была моя вина...

(Задумывается.)

А может ты решил ещё пожить?!

Владеет смертью только судьба,

позволив мне слугою её быть...

ГЛЕНТ.

Но я просил и говорил тебе,

что я хочу, желаю умереть.

А ты все врал и приходил ко мне.

Как доверяться можно тебе впредь!

Ты был слугой у грозного царя,

чтоб заслужить немилость, — не поверю.

Сейчас ты говоришь об этом зря...

МОР.

Я право умереть и сам имею.

ГЛЕНТ.

...Я не могу сам по себе родиться,
но умереть позволь мне самому.
С руки слетела верная синица,
я оставляю место журавлю.
Пушай порхают верные синицы,
неверные в любви, как мухи зла...
туда — сюда, как в перелете птицы...
так помоги! Прошу тебя, слуга.
МОР.

Сменялись времена, желанья, моды,
трагедии, комедии любви,
а я был — Мор, и не испытывал злобы,
я смирным был на службе у судьбы.
...Трагические связи не в связи,
как помыслы и думы обо мне,
ты прикажи, я растворюсь в крови,
чтобы поставить точку на судьбе.

Ты прав, что жизнь не стоит жизни,
как сутолока, что в поздний час войны,
когда заигрывать приходится на тризне
и говорить об ужасах судьбы.
ГЛЕНТ.

Ну вот, слова не юноши, а мужа —
напасть приятная от вдохновенья смерти.
Вся кровь моя — как маленькая лужа,

чтоб ты вошел всей поступью столетий.

Травил её своим горячим ядом,

травил её несносной жизнью, злом —

я сяду здесь, пожалуй, лягу рядом,

чтоб восхититься смертным ремеслом.

В тебе, Мор, есть чему и мне учиться,

раскинуть мысли на твою печаль.

Ну что же, Мор, давай скорей ложиться,

и ты свою работу начинай...

МОР.

Ты сделал выбор... можно умереть.

И правильно — я говорил для многих.

Как ни крути, но глупо ведь стареть,

Как стыдно видеть стариков убогих.

Нет, подожди... пока не кончу сам,

Я утоляю жажду, но не речью,

Стыда я не испытываю ни в чём,

Мне стыдно лишь за тех людей беспечных,

Кто жил уже, стыда не зная в том.

А смерть — свободной жизни разум,

Чтобы не мучил тленный, глупый мир,

Чтоб жизнь была — как мимолётный казус,

В ненужной трате — трате своих сил.

ГЛЕНТ.

Постой, бегу я не от старости тщедушной,

Но я спокойно не умел смотреть.

Не утоляю страх я постареть.

Жизнь хороша и, может, простодушна,

Но я спокойно не умел смотреть.

Мне нужен теперь выход к смерти верной:

В палате, здесь, мне не найти её;

В рубашку эту я сейчас одетый,

К тебе взываю — «Спасение Моё!»
МОР.

Глент... о чём ты говоришь?

Мне странно это слышать...
ГЛЕНТ.

Труднее здесь, чтоб выскользнуламышь,

И легче видеть, как съезжают «крыши».

Я снова повторяю, чтоб ты усвоил...
МОР.

Наверно, ты решил меня обидеть!
ГЛЕНТ.

Ты говорил, что смерть не в нашей воле,

Нельзя предугадать её, предвидеть.
МОР.

Мне нравится пристрастье глупой моде,
когда в ней толк печали на двоих.

Живете вы, чтоб оставлять подобных,

а жизни слог давно уже притих.

Взываю к смерти в ратных своих буднях,

озлобленной корыстью не томлюсь,

не думаю о личностях и культах,

и буду рад, что сам им пригожусь.

Величественная страсть и вдохновенье,
но страсть и вдохновенье стали смертны.

Любая жизнь в любом её стремленье
является началом уже вредным.

Как не живи, как не рыдай в объятьях,
у попорченной любви в надежде сил,
для женщин затаим свои проклятья;
им места нет среди мужских могил.

Вы скажете, что это только капля
всей ядовитости и грязной суеты...

Я проклинал и шлю свои проклятья
к обличью жизни в образе мечты.

Не говорите слов других о жизни,
поэтам адресуются проклятья,
они приукрашают из корысти,
когда им хорошо за это платят.

Бене теперь — выдумщик новых линий,
что преуспел в рассказах о себе,
предатель всех сомнений и уныний,
ГЛЕНТ.

Престольный шут, испачканный в муке.
МОР,

Пусть видит он страданье и рожденье,
страданье видит жизни и любви,
страдает всё от самого творенья.

Но лучше дайте смерть для простоты.
Предательские козни сотворили
блаженную мечту на рай земной.
Тогда её сподвижники скупчили
и замарали мелкой суетой,
чтоб есть хотеть — и мучиться изжогой,
чтоб спать хотеть — и видеть сны кошмара,
создав противоречие с природой,
надумали страх смерти — Мало!
болезнь в неизлечимых муках,
чтобы агония внушала теперь страх,
но смерть сама как добрая старуха...
ГЛЕНТ.

А ты, наверно, рядом с ней — монах!?
МОР.

...Смерть неизбежна у всего земного —
пародия иль истина сама!

Мне дела нет до суеты другого,
дорога смерти у тебя своя.

Тревожить мозг и забивать наукой,
что ты пытаешься, сегодня преподавать,
уж ты пойми, какая это скука,
в больничной камере за всех людей страдать.
ГЛЕНТ,

Наверно, я тогда сошёл с ума,
за всех людей решил я отравиться.

Пусть выпадает каждому дорога,
начертанная миром и судьбой...
МОР.
Остановись... и помолчи немного.
ГЛЕНТ.

А что молчать!? Идут врачи с иглой.

Вольют мне «мор» иного содержания,
нас всех здесь колют снадобьем другим,
чтоб забывались в лёгких упованиях,
чтобы за словом шли теперь к святым.

Спаси, мой друг, хоть ты меня от них,
я не хочу, чтоб делали уколы.
МОР.

Прости мне, Глент, но я уже притих,
я не могу испортить им запоры.

(Исчезает.)

2
ГЛЕНТ

(один лежит на кровати).

Проклятый Мор позволил им всё ж сделать,
а сам ушел, как пьяный во хмелю,
и в дверь скользнул так мастерски — умело,
что я теперь опять один лежу.

Лекарство поступает в мою кровь,
по телу движется дурманыщий напор;
цвет потолка и стен сменились вновь;
мне хорошо известен этот вздор.

Всё кружится... и розовый туман...
бледнеет взор и тяжелеют веки,
чтоб спать хотел, но я себя не дам
безмерной, томной и обманной неге.
Бужу себя: вставай же, Глент, вставай,
не нужно спать, раз говорит твой разум,
бороться с зельем жизни не бросай,
ведь с толку сбить врачи не могут сразу.
(*Пытается встать.*)
Пусть зелье льётся только лишь по вене,
сознанием моим не завладеет!
Дрожащий звук, в заботливой сирене,
меня пусть не разбудит — не успеет.
...Дурная нега всё ж меня ломает,
выкручивает, вбивая мне покой,
но жизнь мою лекарство не обманет,
наперекор... я остаюсь собой.
Но розовый туман, как свет, такой приятный,
ему невольно, всё же, поддаюсь:
на два часа, тем временем объятый,
опять врачам на милость я сдаюсь.
Но лучше быть с глубокого похмелья,
и утонуть в испитом мной вине,
но не испытывать врачебного мне зелья.
А вот уже и радостный Бене!
(*Поднимается с постели.*)
БЕНЕ

(входит).

Дружище, Глент, тобой я недоволен:
собрался ты покинуть нашу жизнь!..
Но это вздор и мы его размоем,
и как могла прийти такая мысль...
Давай забудемся на лоне тихой лени,
рванём с тобой в глухую благодать,
и будем, Глент, на рубеже весеннем
лишь только о хорошем вспоминать.
И вспомним твою шумную деревню,
и отчий дом, и рать глухих забот.
И больше я сказать теперь посмею,
как ты любил безумный женский род,
припухлость щёк, раскрытые уста,
полнеющую грудь и стройные с ней ноги,
как томными ты томные съедал глаза,
как нравились тебе у дам пороги.
Тебя всё восхищало в женском теле,
тревожило твой разум и покой.
...А помнишь эти запахи в деревне,
полуденный, мятежный летний зной?!
Дружище, Глент, забудем, давай зло,
отбросим свою ненависть к себе,
глазами счастья выглядываем в окно.
Ты скажешь мне: «Привет, мой друг Бене».

ГЛЕНТ.

Оставь, Бене... сегодня не до шуток,

какое счастье, раз выпало травиться.

Я груди целовал у проституток,

но с этим я умел ещё мириться.

Родившись, я всё видел по-иному,

и даже то, о чём ты говорил,

но Мор раскрыл глаза опять слепому,

и жалко мне, что он не уморил.

Но он успеет сделать своё дело,

об этом я его уж попрошу.

А ты, Бене, лишь хитро и умело

глаза мне закрывал на наготу.

Когда я сам сумел себя сравнить,

стал ненавидеть радости свои,

и вот тогда я стал уже таить

и тела стыд, и стыд своей любви.

Не стало радости, не стало вдохновенья,

тревогой разъедалась вся мечта,

мучительно страдал я от сомнений,

зачем мне жизнь, убогому, дана.

Убожество природы и желаний,

надменные слова о счастье, о любви;

какие можно приложить старанья,

чтобы кошмарные не снились больше сны?!

Бене, попутчик мой весёлый,
душа раскрыта в имени твоём.

...Ах, подожди, проклятый и тяжёлый

ввели укол — я растворяюсь в нём.

(Плохо себя чувствует.)

БЕНЕ

(поддерживает его за плечи).

Бывает так, когда не знаешь цену,

не знаешь цену жизни и конца.

И вдруг ты слышишь грустную сирену...

туман в глазах с берёзой у крыльца.

И пронесётся детство — скорый поезд;

перед глазами — луг, зелёный лес.

А ты киваешь лишний раз за пояс

и говоришь про глупый недовес.

ГЛЕНТ.

Бене, оставим эти сплетни,

всё возвращается ко мне в тревожный час.

Пусть на двери запор и эти петли;

я не хочу, чтоб слышал кто-то нас.

Я буду говорить лишь о любви,

о трогательной силе вдохновенья,

не понял ты, и не поймут они,

что горечь у любви — от наважденья.

Любил я вспышкой — счастливо горел,

сейчас люблю — как большего не ждать,

любить — талант и радостный удел;

что я рождён — спасибо тебе мать.
Дух нарицательный и дух свободный,

любви сегодня жажду, как святой!..

Верните мне, без духа прежней моды,

любовь, чтоб прыгнуть с ней, как в омут головой.
БЕНЕ.

Здоровый дух рождается у тела,

ты возвращаешься в мирскую суету,
и там найдёшь немало себе дела,

свободным быть, а не в его плену.
ГЛЕНТ.

Да, господа, вся жизнь — любовь!

Не мучайте сомнением себя.

Но жаль мне, господа, что эта боль

вела к концу, к трагедии меня!

И ты, Бене, мне говоришь другое —

всеобщее понятие — как жизнь!

И верно то — что это дорогое,

трудней придумать здесь иную мысль.

...Рождается младенец с звонким криком;

светлеет небо, выше небосвод.

Летит по ветру ангел с детским ликом

и в нашу жизнь уверенно идёт.

На смертном одре просим мы прощенья,

у Бога просим, у своих детей,

боимся мы, что нам наступит мщенье

за всех, живущих на Земле, людей.
Вот путь с рождения до самого конца
мучительно тревожный и никчемный.
Уж лучше мне не знать тогда отца,
чтоб не рождаться больше в жизни брэнной,
чтоб в тридцать лет хотелось умереть,
а в тридцать пять я принял уже яд!..
Как можно жить! тебе, Бене, смотреть!
что мы стоим, построенные в ряд,
к могиле... ожидая смерть!
БЕНЕ.
Две стороны у каждой есть медали.
Всё извратить, перевернуть — нехитрый труд.
Когда мы жизнь в руках своих сжимали,
мы думали, что нам уже зачтут:
смотрите-ка, желанье роковое
покончить с жизнью счёты на корню,
мол, жизнь сама есть средство дармовое,
могу я жить, а захочу — убью!..
...Кричащая и лёгкая забота
нас возвращает к жизни на лету,
жизнь — наслажденье, жизнь — не работа,
Создателя её я вечно чту!..
Я разношу по свету цвет любви
духовного и вечного начала,

чтоб были белыми цветы моей души,

чтоб Мор не сеял семена обмана.

...Рождается младенец с криком счастья,
мать улыбается, томясь ещё от боли,

отец теперь не знает выше власти,

когда в ребёнке струи его крови.

Торжественно природа принимает

в свой светлый мир жизнь нового лица.

Мирская плоть сама жизнь порождает,

не может быть источником конца!..

Он вступит в мир с любовью и без страха,

не мучаясь тревогой умереть.

Рожает плоть поэта и монаха,

чтоб красоту по-своему воспеть!

Ты удивлён, соединил я вместе

как будто разные, не схожие дела.

Нет, Глент, в едином всё замесе,

а я тяну колосья из снопа.

...Тебе ли жизнь сегодня обрывать,

обидой мучиться незрелого отца,

ты, просто, должен заново начать

и быть умней послушного юнца.

ГЛЕНТ.

Послушай, друг, Бене мой откровенный,

что я боюсь, боюсь уже его,

я стал послушным, стал ему смиренным

он захватил сознание моё.

Не вижу сил ему сопротивляться,

готов я снова выпить его яд,

и ты над этим можешь посмеяться,

но я боюсь, и сам себе не рад.

Большая сила в нём, скажу, таится,

он так умело может говорить,

что я легко могу с ним согласиться,

чтоб жажду свою к смерти утолить.

Опять придёт, раскинет свои речи,

и я невольный раб уж перед ним.

Укол ввели, мне стало будто легче,

и он ушёл, но был неумолим!..

Как только здесь не станет вдруг тебя,

но я один... и снова я не узнаю себя:

он мне внушает ласковое зло.

А он вернётся — вот здесь чувствую его.

Поверь, мне признаваться в этом стыдно,

что власть его сильнее надо мной,

и оттого мне более обидно,

что помогает только шприц с иглой.

Могу лишь два часа я без него прожить,
как наркоман я привязался к маку,

поддался лишь однажды тому смаку,

и вот готов теперь ему служить.

БЕНЕ.

Ну что же, Глент, я остаюсь с тобою,
мы вместе одолеем его бред;
я сяду здесь, к тебе у изголовья,
нам легче будет дать ему ответ.
Нелёгкая, скажу тебе, работа,
чтоб говорить с слугою сатаны,
но пусть пробьёт нас до седьмого пота,
я уведу тебя от той беды!..

Раскрепостись; удобное здесь место;
чтоб не терять рассудка перед Мором,
ему поставим мы сегодня кресло,
и выше будем над его забором.

Гляжу я, бьёт тебя озноб!?

Позвать врачей? Чтоб сделали укол??

ГЛЕНТ.

Нет-нет, наверно, я продрог,

я подержусь за стол...

3.

МОР

(входит).

Какая встреча! Бог, ты мне судья...

связался Глент сегодня с иезуитом.

Мне страшно видеть вместе вас, друзья,

уж как бы мне не быть сегодня битым!

БЕНЕ.

...Зачем надел сейчас чужую ризу?

Чтоб отпустить грехи на всякий случай?!

Чтоб он, утешный, внял твоим капризам,

и ты меня ничем уже не мучил?!

ГЛЕНТ.

Над нами, Мор, ты снова посмеёшься!..

МОР

Да что ты, мой потешный, славный Глент!..

БЕНЕ.

...И как ты с тем еще не надорвёшься!

МОР.

На этот счёт я буду с вами нем.

ГЛЕНТ.

Так ты жесток, каким всегда бываешь,

чревоугодник дерзкого обмана.

Ты, как наркотик, тело мне ломаешь

пахучим запахом тлетворного дурмана.

Вот тут, неумолимый ангельский приют:

снуют врачи с иглой туда-сюда,

и снадобье безумное дают,

чтоб ад закрыл передо мной врата.

Здесь утешают словом и иглою;

молюсь я за пробуждённых глупцов!..

Не уходи, Бене, и будь со мною,

чтоб Мор не говорил здесь много слов.

Тянулся я к рукам людей безбожных,

тянулся к сырости как к свету и теплу;

как выбрать мне друзей себе надёжных,

как избежать врагов, свою судьбу?

Но видится мне счастье в этом мире —

подлунные глаза и свежесть роз...

Ты видишь, Мор, Бене сегодня в силе,

а ты мне яд, гляжу, опять принёс...

МОР.

Ах, Глент, я говорил и прежде,

и снова я готов всем повторять:
сам по себе я, не живу в надежде
на жалкий труд, неужто не понять...
Я — ни начало, ни я ему — конец,
чтоб вырывать из жизни злое семя.
Я — ни пророк, ни я ему — отец,
чтоб описать судьбу и ваше время.
Я вижу жизнь в её незримой воле,
что видеть вам здесь, просто, не дано,
но пусть теперь не означает в ссоре,
что я хотел, чтоб не возшло зерно.
...Нас душат руки собственной страны,
надменно, похваляясь, перед смертью,
а в церкви поп всем подаёт воды
святой...и говорит нам — «верьте»...
Всё пропиталось временным развратом:
родиться голым, умереть — в штанах.
Рассвет рождён — закончится закатом,
мучительные роды в облаках...
Вся жизнь — обман у временных исканий
схватить побольше, позже умереть;
невыносима тяжесть испытаний:
жить временно и навсегда сгореть.
БЕНЕ.
Довольно, Мор, мы это уже знаем,
травить сегодня Глента прекращай...
МОР.
Ну что же... по рукам ударим.
Глент
Скорее... Мор, скорее ударяй!
БЕНЕ (*Гленту*).
Капризная судьба для многих — испытанье,

порой бывает — тягостный удел.

Но я знаток подобных врачеваний,

чтоб ты с ней расставаться не хотел...

ГЛЕНТ.

С тобой, Бене, легко мне согласиться,

наверно, я здесь полный идиот;

но как безумьем жизни утолиться,

когда на голову ложится небосвод?

БЕНЕ.

Мешаешь ты любовь с бесстыдством плоти,

мешаешь жизнь и смерть единой ступой;

ты до крови грызешь сегодня ногти,

чтоб мучиться надуманною мукой.

Трезвеет, Глент, пусть голова с похмелья,

кодируй мозг живительной водой.

Ты к смерти испытал своё влечение,

но не была там женщина виной!..

ГЛЕНТ.

Как можешь ты над этим насмехаться,

ведь вера мне дороже, чем любовь,

с тобою не хотел я расставаться,

но ты принёс мне снова эту боль.

Я слов таких, поверь, не ожидал;

предательских, обманчивых ухмылок...

МОР.

Тебе, мой друг, Бене опять соврал,

чтоб оттянуть дыхание поминок.

ГЛЕНТ.

Молчи и ты! Проклятья вам, друзья!

Надменным слогом я вас проклинаяю.

...Зачем вы долго мучили меня?!

Но если умереть... я вас прощаю.
Умру я с тайной вечной в мире тленном,

всей, не испив, химеры сладкой лжи,

себе я был судья, как был слугой, смиренным

у женских ног при свете той луны.
И спорить вам, наверное, даже после,

когда не будет мыслей и обид.

Свистите, пойте, плачьте на погосте,

а лучше смейтесь, как плачете навзрыд.

...И смерть пускай не кажется капризом,
а полное желанье моих сил.

Я был рождён с дурным и хлипким низом,

и, слава... Бог... умом не обделил.
МОР.

Не отпоют самоубийцу в церкви,

зачем тебе церковная та ложь,
раз бог нечестно раздаёт нам мерки,

чтоб тело вызывало только дрожь?!

Красивых мы любили с тобой женщин,

и женщины живут такой мечтой;
за первых в мире, и никак не меньше,

голосовали поднятой рукой.
Призыв не к смерти, к разуму её —

достойнейшие мысли поучений.

В рождённой жизни я слагаю зло,

чтобы гармонию избавить от сомнений.
Пускай не трогают меня умом

глупцы сегодня в равных измерениях,

и я тогда предстану вам отцом

в тяжёлых строках лживых ухищрений.

ГЛЕНТ.

В твоих уж мыслях много грустной правды.

Слова Бене мне кажутся чужими.

Хочу, чтоб ты раскладывал мне карты,

чтобы раскладывал руками их своими.

МОР.

Ну что же, Глент, я был бы идиотом,

когда бы говорил вам о другом;

себе быть верным — значит, патриотом

быть в этом мире тленном и скупом.

Вот мысль моих далёких измышлений:

быть верным им — и с другом, и с врагом,

чтоб избежать мне разные сомненья,

как в мире этом, в мире и другом.

Всё заливать смертельной изжогой,

будить ваш разум к смерти роковой,

вести вас всех невидимой дорогой,

и оставаться мне самим собой...

Срываясь с рук старухи повивальной,

стремглав стремитесь к вере моих мыслей,

чтоб гладить мир ты мог рукой пасхальной,

и быть самим собой в разумном смысле.

Возвратная, стеснённая молитва

тревожит слух не нотой колдовства.

Пусть голос мой, как плачущая скрипка,

взывает к радости пленённого ума.

Сомненья убогих в жизни смертной

натянуты, как нитью, наяву;
чтоб смерть не стала темой запретной,
свободе мыслей — свободу я пою!
Есть в мире много еще мыслей,
что избегали даже мудрецы;
но это ли свобода в лучшем смысле,
которой утешаются глупцы?!
Спасает смерть наш разум в сумасбродстве,
как вызов этой жизни в подлый час.
Я растворюсь сейчас в твоём уродстве,
о чём ты долго говорил для нас...
БЕНЕ.
Ну, нет уж, Мор, молчанье мне дороже.
Я мог молчать, когда велел мне Глент.
Сейчас ты должен уступить мне ложе,
чтобы услышать мой уже ответ.
МОР.
Безумства ради, говори свободно —
свободные слова рожают мысль!
Я уступаю, если вам угодно,
то место, чтобы ногти вам обоим грызть.
БЕНЕ
(с усмешкой).
Такие жертвы не сравнить ни с чем.
Как ты сегодня с лёгкостью уступчив!
МОР.
Но даже руки, сохранив с предплечьем,
и без ногтей ты вскрыешь вены лучше...
БЕНЕ.
У каждого есть выбор своей воли!
МОР.

Как запретить тебе в том ухищряться.

Я плачу на руках ниспосланной мне доли,

над чем вы вместе можете смеяться.

ГЛЕНТ.

Вы, кажется, забыли про меня,

а впрочем, всё равно... вы оба мне чужие.

В добре и правде жизнь изначально зла,

и мысли ваши — мысли роковые.

Молчите оба... я вас умоляю,

меня вы били, попадая в бровь,

вот потому я мыслить начинаю:

а красная течёт у вас ли кровь?!...

И где же та черта, что разделила

вас в этой жизни злобной и святой!?

Признаюсь, Мор, что речь твоя купила

мой сон ума и тела дух, наверное, больной.

...Тогда я поднял руки, заклиная:

«О! Бог ты мой! Любовь ведь не позор!?»

Он промолчал, меня с тем отправляя

в трагедию с названием «Бенемор».

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ,

Пусть звуки, наполняя мир бездомных,

Вселяют нам надежду в светлый рай,

Чтоб слёзы лить, из детства извлечённых,

И вспоминать весну и светлый май.

Свернём мы шеи в пьяном баснословье,

Хор ангелов нам слышится с небес,

И пропоём мы женскому сословью,

Что мир не может вынести наш крест.
Сулите нам прощение природы,

Не тяготите слух другой мечтой.

Среди чумы пляшите все уроды,

В последний раз стыдитесь наготой.
Пусть тело гордое Венеры заливают

Глаза мужские в образе чумы.

Нас, грешники, природа всех прощает,

Глядите в ночь глазами сатаны.
Вот вам пример изысканного слова,

Где даже ложь представится собою.

Любовь? Не знает большего позора,

Когда приходит к нам она... с тоскою.
А отзвуки последнего причала

Все унеслись в безумной синеве.

И помнил я, как она мне прокричала,

Что я урод безжалостный к себе...

ГЛЕНТ.

Они опять с иглой ко мне идут.

Что делать мне, чтоб избежать уколов?...

Все одинаково сегодня в мире лгут,

таким, как я, запрятав средь заборов!..
Они высокие, до самых крыш порою,

что окна упираются в их вид.

Несут... они... и прячут за спиною

всю ту же тяжесть подлинных обид.
Скажи, Бене, что я не прав с тобою,

что лгу тебе, как лживый в том народ!?...
БЕНЕ.

Прости, идут врачи с иглою...
МОР
(*Ухмыляется.*)

Пока... наш маленький урод!

(*Уходит.*)
ГЛЕНТ.

Да, я урод, и радостно мне слышать,
да, я урод, — смешить весь женский пол.

Хотели видеть, как съезжают «крыши»!?

Смотрите! Пока не ввёл укол

надменный медик в образе Иуды,
хриstopродавец в белом балахоне.

А вы, Бене, и, жалкий Мор, — зануды
для сумасшедших и больничной вони!

Нет — нет, Бене, уйди теперь и ты,
я буду здесь сегодня выть по-волчьи,
а вы нарвите вместе с ним цветы
и на могилу положите ночью...

Бене уходит.

ФЛЕРА
(*входит.*)

Здравствуй, Глент!.. Как видишь, это я!
ГЛЕНТ.

Но от какой явилась т нужды?!
ФЛЕРА.

Слов не нашёл других ты для меня?!
ГЛЕНТ.

Зажмуриться хочу до слепоты,

чтобы не видеть женские глаза,

не видеть отражение и своих...

Напрасно в клетку ты мою вошла,

страшнее льва бывает только псих...
ФЛЕРА.

Не из пугливых я и род, скажу, у нас,

в любую клетку я входила смело.

Пришла к тебе...
ГЛЕНТ.

...Без вежливых прикрас.
ФЛЕРА.

Сказать...
ГЛЕНТ.
...Мне о разводе — верно?

...Зачем сюда пускают вас врачи!!
ФЛЕРА.

Не надо, Глент... прошу, не притворяйся.
ГЛЕНТ.

Я нездоров, но лучше не молчи.
ФЛЕРА.

К словам моим ты здесь не придирайся.

Что вспоминать от дальних глупых сплетен?

Я не хочу, и ты не хочешь сам...

Безумный век, безумством он отмечен,

безумье прибирает нас к рукам.

Да, я пришла, чтоб вежливо проститься.
ГЛЕНТ.

Ты не бросаешь в горький час нужды!
ФЛЕРА.

Совет тебе: ты должен примириться,
чтоб обрести спокойствие души.
Обиды наши, злость безумных будней,
измучили, как ложь, обоих нас.

Пойми меня, и всё давай забудем,

вся наша жизнь...

ГЛЕНТ.

Как хлебный кислый квас.

ФЛЕРА.

Виной обманчивой с надеждой на плетенье

мы долго ждали час другой судьбы,
и были дни, дни сладкого мгновенья,
а десять лет... — как в клетке сатаны!

И не тебя я упрекаю снова,
здесь горе есть, наверно, чьих-то сил,
и, может, я скажу теперь сурово,
но лучше бы ты все и всем простил.

В час горького оплота увяданий
ты волю дал недоброй силе мести,
но в силе смерти нету созиданья.
ГЛЕНТ.

Банальные слова...
ФЛЕРА.

Но не для лести.

Я говорю, чтоб возвратить нам прежний дух событий,
твой разум к вожденной плоти,
и понимал, что среди других открытий,

ведь есть открытие радости и ночи,
но ждёт тебя, лишь с женщиной другой,
быть может, в сотни раз меня умнее,
красивее и преданней...
ГЛЕНТ.

Как маленький скупой,
в мешках хранивший золотое бремя.
ФЛЕРА.
Найдёшь, мой друг, ты радость в этом мире,
и я тебе желаю от души!..

Чтоб ты всегда был в самой лучшей силе...
ГЛЕНТ.

...А лучше, чтобы не водились вши.
ФЛЕРА.

От слов прощальных — глупое сплетенье,
мы не умеем просто говорить.

Я не хочу просить твоё прощенье,
нас может только третий рассудить!
ГЛЕНТ.

Да, я здоров, ты правильно решила,
чтоб честный дать я мог уже ответ.
Смиряет смертных нас одна могила,
в предсмертном сне потухнет белый свет.

В величье жизни сам Бене руками
нам разведёт прощальные лучи;
Мор стиснет рот железными зубами;
все примирятся, даже и враги.
Вот грешный круг, начертанный Всевышним,

мы в круге том, чтобы одно плясать,
но раньше всех выходит с круга лишний,
его никто не может удержать!..
Да и зачем, раз тесен круг обмана,
так ловко именуемый «разврат».
И в мире душном плоть меня стесняла,
теперь уже... я сам себе не рад.
Волна морей меня бы не отмыла
от липкой извращённой суеты,
мне в этом мире места не хватило,
а в мире том не хватит и земли.
Грех разъедал мои уже сомненья,
всё ближе был я к истине обмана,
был я изгоем в логове дурмана.
А трепетные ночи — ад сомнений,
позорная стезя далёких лет,
и не избита сетью сновидений,
стал ненавистен собственный портрет.
Что ты пришла, мне нету вдохновенья,
нам лучше бы не видеться и впредь.
Бог справедлив, взывая нас к смиренью,
и не даёт спокойно умереть.
Бене и Мор сольются в сладкой речи,
в тот миг сумею их я обмануть,

от груза избавляя твои плечи,
и я спешу теперь с них пыль смахнуть.
Звезда и смерть не в образе смиренном,
а в тихом отзвуке последнего удара;
не быть мне дряхлым, стариком согбенным,
чтоб плоть моя безудержно рыдала.
В моих словах так много беспорядка,
мне точный смысл хотелось в них вложить,
и где-то рядом виделась разгадка,
но ты мешала мне её постичь.
И говорить излишне стало, впрочем,
должна и здесь быть собственная мера,
её и тут сейчас мы приурочим,
чтоб ты смеяться продолжала, Флера...
ФЛЕРА.
Да не смеяться я хочу сегодня,
а тихо разойтись средь мира на покой.
Свела нас в жизни роковая сводня,
и временно она была судьбой.
Но всё прошло. Я лучшее продвигу.
Натянутой струне иное петь.
Мы свой обман, как мозговую грыжу,
излечим, чтоб не могла выпячиваться и впредь.
Сановники от духа наших мыслей,
пусть отряхнутся от своих лохмотий;

когда мы горько и обидно кисли,
травила нас всё той же ложью похоть.
Обидных слов лицо неизгладимо,
но память пусть затушит яркий свет,
чтоб яркий свет упал теперь незримо,
и не держал за глупостью ответ.
Вот будет мера нашему унынию —
прощенье, как безумью — благодать;
и мы своей судьбою, словно ссыльный,
не будем грех другого вспоминать.
Уйду я в мир весомого начала,
в холодные покои моих дней.
Во зле и ярости я многое кричала,
но ты в словах был в сотни раз грубей.
Конечно, злу не ставят зло в упрёк,
но как взвалить спокойствие на плечи?..
Тебе и мне хороший был урок,
теперь давай потушим эти свечи...
ГЛЕНТ.
Потухнут свечи, в пламени истлев,
и стрелка разведёт у нас пути,
но тормозить не могут наши дни.
И брошь, с груди, у нас слетев,
за красным светом с грохотом столетий:
вершится суд над пламенем любви;
под тяжесть груза попадали дети

в проделках злой капризницы-судьбы.

Вот-вот, как я уже предвидел,

хитрил на свет у Бога пред игрой,

мне больно то, что многих я обидел,

и стыдно мне, что я ещё живой.

Во славу лет ненужного события

летят, трезвоня, вечные года;

привиделась мне ночь с её открытием,

возненавидеть чтобы навсегда.

Но кто виной?.. Винят ли в этом слуг

на паперти духовного целенья?..

Мне за любовь вручили этот плуг,

чтоб не сойти мне даже на мгновенье.

Стою, привязанный цепной собакой вздора,

и слушаю усмешки негодяев...

Зачем мне слух терзает брань позора?

Зачем на дно любовь меня роняет?

Бешусь на славу тихому сословью,

выкручиваю я руки, как немой,

язык теперь как будто стал мозолью,

чтоб я молчал, наполненный игрой.

Уйти... вонзиться в пыль столетий,

забыть метель и юных лет обиду,

чтоб сбросить с тела всякие отрепья

и не пугаться собственного вида.

...Раскрытые объятия твоих рук

мне не забыть, конечно, никогда.

Но ты молчишь, и я молчу от мук.

Прости меня, но я не твой судья!
ФЛЕРА.

Да, Глент, закончилось всё болью,

которую по полкам не разложишь,

но не кропи ты листья своей кровью,

безумством счастьем ты ведь не поможешь.

Мечтой своей я б растворилась в мыслях,

похожих и подаренных судьбой,

чтоб крап росы ложился бы на листья,

а ты был счастлив с женщиной другой.

Я говорю, как друг, с твоим смиреньем,

наполненная радостью чужой,

будь счастлив ты природой вдохновенья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.